

Доверие

[для сборника «Большие чувства»]

...И, бросая перо, в кабинете
Всё он бродит один
и пытается сердцем понять
То, что могут понять
только старые люди и дети.

Н. А. Заболоцкий

— Я, разумеется, вам доверяю... — произносит малознакомый человек, например попутчик, которому вы предложили помочь.

Слова его в сущности означают: я тебе, конечно, не доверяю, но, кажется, у меня нету выхода.

Потому что нет и не может быть рациональных причин кому-нибудь доверять. Не доверяйте незнакомым людям — они могут оказаться преступниками (есть даже специальная разновидность их — «воры на доверии»), не покупайте пирожки на улицах — неизвестно, из чего они сделаны, не заправляйте машину на случайных заправках, особенно за городом, не то вам придется менять двигатель. Смотрите на дату изготовления продуктов — магазины норовят выставить лежалый товар. Отечественный антибиотик не покупайте — он не действует, немецкий тоже лучше не брать, высока вероятность подделки, чешский возьмите, хотя и тут гарантий, конечно же, никаких. В районную поликлинику — только за справкой в бассейн. Лечиться? Вы бы еще к участковому милиционеру отправились! Милиционерам тоже, кстати, нельзя доверять. И в бассейне можно запросто подцепить инфекцию. Почитайте новости: диссертации сплошь фальшивые, такое-то министерство проворовалось в полном составе, спортсмены попались на допинге. Про политиков не стоит и говорить. И попам нельзя доверять — на каких они ездят машинах, какие носят часы, вы видели? Нельзя, совершенно нельзя доверять телевидению, никому, все больше людей отказываются от него — и правильно делают! Доверчивость, простодушие становятся в наших глазах обыкновенной глупостью. Чего удивляться, что у нас не осталось странных людей, чудаков: они погибли, вымерли, не выдержали конкурентной борьбы. Кризис доверия — опасная вещь, он угрожает самим основам существования общества.

Мы с завистью слушаем про то, как японцы засыпают в метро, повесив на шеи таблички: разбудите меня при подъезде к такой-то станции — не опасаются, что у них стащат бумажник или сотовый телефон. Но и у японцев, как выясняется, очень развит так называемый «брачный контракт» — когда жених и невеста заранее договариваются, как они себя поведут, как разделят детей и имущество, когда любовь закончится, отношения подойдут к концу. Такая вот попытка рационализировать доверие, а вернее — его отсутствие. Очень это, надо сказать, тяжелая, трудоемкая часть взрослой жизни — не доверять.

— А мы, знаете ли, не запираем дверь. И никто к нам ни разу не залезал. И ключ мы храним под ковриком.

Естественно, не залезал — вы не сообщили нам ничего нового: те, к кому залезали, всегда запирают дверь. Отсюда и многомиллионная армия всякого рода охранников, замки и глухие заборы на каждом шагу.

И вот вы, взрослый, в меру осторожный человек у себя на даче играете с ребенком в футбол. Ребенок падает неудачно, ломает руку. Рука неестественно торчит в сторону. Вы в панике мчитесь в больницу, местную. Ветхое здание, вы и не ждали увидеть здесь что-нибудь лучшее. Везти ли ребенка в Москву или тут оперировать? Хирург довольно решительно объявляет, что ситуация неотложная, оперировать необходимо сейчас. Вы просите у него телефон, вы хотите позвонить своему товарищу, известному травматологу, просите хирурга поговорить с ним. — Он что же меня по телефону научит переломы вправлять? — спрашивает хирург. Он, вероятно, не любит москвичей, дачников, но телефон дает, и поговорить соглашается. Так рождается доверие, так происходит встреча: целый этап жизни начался для меня с эпизода, который я только что описал.

А вот другая история, времен Второй мировой войны, слышанная мною от одного из ее участников. Советский солдат, разведчик, ползет в полном вооружении и наползает на немца — тоже, очевидно, разведчика. Они переглядываются, и в этот короткий момент обоим становится ясно, что убивать им друг друга не следует. Безо всяких слов они расползаются в разные стороны — в уверенности, что ни один из них другому в спину не выстрелит. Потому что есть отношения, которые не то что выше долга, присяги и родины, а находятся в другом измерении, в другой плоскости.

Кажется, дети и старики (но не все, конечно же, дети, и не все старики) более склонны к доверию — к тому, что «где-то знают, как лучше им». Означает ли это, что доверие во взрослой, самостоятельной жизни — состояние эпизодическое? Наверное, так. Но это чрезвычайно важное состояние — готовности

к встрече, к жизни в реальном времени, — когда дление заканчивается, и лучшие свои качества надо проявить сейчас, а тот факт, что ты вообще-то сообразительный, знающий или, скажем, порядочный, принадлежит прошлому, все это повышает шансы сделать правильный выбор в настоящем, в том, что есть, но ничего, конечно, не гарантирует.

Тема встречи и тема доверия близки. В «Войне и мире» есть место, когда Пьер Безухов предстает перед судом Даву, одного из наполеоновских маршалов, известного чрезвычайной жестокостью. Поначалу тот относится к странному пленнику безразлично, как к вещи, от которой необходимо избавиться, но потом «Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно почувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья».

Пределный случай доверия рассказан в Библии — в книге Бытия, в 22-й главе: речь идет о готовности Авраама принести в жертву единственного своего сына. Для многих эта история представляет особенную трудность: читая ее, мы ставим себя на место Авраама, и ужасаемся, даже негодуем, поскольку в нас нет и капли той веры, того доверия, что была у него. Думая об Аврааме, я опять вспоминаю детей, самых счастливых из них: в детях есть столько доверия взрослым, что они позволяют причинить себе боль во время медицинских процедур, верят, что им не дадут утонуть в бассейне, поймают их, если они будут падать с гимнастического снаряда, да и учеба требует иногда огромных и, как кажется, бессмысленных усилий, целью которых может быть только порадовать родителей, учителей.

Наконец, доверие идет рука об руку с мудростью — не с практическим умом, не со здравым смыслом: они как раз заставляют не доверять или делать это лишь в чрезвычайных случаях, когда нету выхода. «Радуйтесь в простоте сердца, доверчиво и мудро», — написал на фотографии, подаренной друзьям, один замечательный человек, митрополит Антоний Сурожский. Необходимость выжить требует от нас бдительности, критического отношения к людям и миру, потребность же в радости жизни побуждает нас доверять. Между двумя этими полюсами проходит наше существование.

апрель 2016 г.